

Е.П. Ростопчина

**Сочинения графини Е.П.
Ростопчиной**

Том 2. Проза

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.П. Ростопчина**
Сочинения графини Е.П. Ростопчиной: Том 2. Проза / Е.П. Ростопчина – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 464 с.

ISBN 978-5-458-10767-9

Сочинения графини Е.П. Ростопчиной. Том 2. Проза: Типография И.Н.
Скороходова, 1890

ISBN 978-5-458-10767-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

паль къ ихъ исполненію, систематически бралъ кольца, ленты, волосы; спокойно, раскуривая трубку, писалъ письма, дышавшія страстью; получалъ записочки на атласистой бумажкѣ и отправлялъ въ огонь всѣ эти трофеи моихъ шалостей, когда арсеналъ мой ими наполнялся. Но при всемъ этомъ, сердце мое билось такъ же ровно, какъ въ дѣтствѣ за геометрическимъ чертежемъ, и въ моей душѣ было пусто, какъ въ глуши степной...

Однако, что же дѣлало *оно*, это сердце, рожденное для жаркихъ страстей? Чѣмъ жило это воображеніе, тревожное и алчное, привыкшее питаться восторгомъ и мечтами?... О! они не участвовали въ жизни суетностей; они жили въ другой сферѣ — они все болѣе и болѣе жаждали любви и счастья, просили высокиихъ чувствъ и высокой цѣли; они томли меня, какъ лишняя ноша; они преслѣдовали меня въ этомъ разсѣянномъ быту, куда я погружался, чтобы заставить ихъ забыться... И въ часы уединенія, по прежнему, вымаливалъ я у непреклонной судьбы исполненія моихъ раннихъ думъ, олицетворенія моихъ юныхъ сновъ! Но нигдѣ, нигдѣ не находилъ я *суженой* для моей взыскательной мечты! Я задумалъ невозможное, искалъ высоко и далеко, и *обыкновенное* меня не удовлетворяло, сердце мое оставалось безъ кумира и я былъ одинокъ....

Одна послѣ другой, женщины мелькали передъ мои глазами, были въ моихъ объятіяхъ, не оставляя по себѣ ни тѣни завѣтнаго воспоминанія, ни минуты сожалѣнія. Чѣмъ болѣе хотѣлъ я совершенствъ, тѣмъ строже судилъ недостатки. Въ одной мнѣ надоѣла пошлая пѣжность безъ характера и безъ страсти: она любила не *меня*, но любила *кого нибудь*, перваго, приведеннаго къ ней слушаемъ, потому что она думала, будто ей *должно было* любить. Въ другой меня ужасало легкомысленное забвеніе всѣхъ законовъ, всѣхъ святыней, всѣхъ правилъ: она ни одной слезы раскаянія, ни одной борьбы съ совѣстью не принесла мнѣ въ жертву, а мы, мужчины, мы хотимъ дорого стоять женскому сердцу, хотя и немногіе изъ насъ знаютъ цѣну женской преданности. Въ третьей главную причину забывчивости была пылкость воображенія, безпокойнаго и непостояннаго, а сердце ея всегда отставало отъ головы. Тутъ—умъ безъ сердца, тамъ кокетство и самолюбіе; далѣе... О, далѣе хуже всего—развратъ, холодный, расчитывающій развратъ, который, забывъ всю стыдливость, всю скромность женщины, подобно намъ, повѣсамъ, готовится заранѣе свои связи и падеетъ съ сознаниемъ и паденія, и вины!

Вотъ чему научился я съ годами, и вотъ что нашелъ я, преслѣдуя созданіе моихъ думъ! Суди же, какова была моя опытность

и какова должна быть та, которая примирила меня съ женщиною, которая осмыслила для меня и свѣтъ, и жизнь, которая познакомила меня съ обезумляющимъ счастьемъ! Но при мысли о ней все мѣшается, все кружится около меня—дастъ пройти этой бурѣ воспоминаній, и потомъ опять примусь рассказывать тебѣ какъ должно.

Когда я оставилъ васъ, батюшку и тебя, спѣша изъ стараго нашего Уютова хлопотать въ Москвѣ по дѣлу моего пріятели, я твердо намѣренъ былъ возвратиться черезъ нѣсколько недѣль и посвятить вамъ всѣ дни моего отпуска. Я хотѣлъ только удовлетворить давнишнее желаніе мое—посмотрѣть на древнюю столицу, куда до тѣхъ поръ не заносила меня недвижная звѣзда моего жребія. Двойная занимательность манила меня къ берегамъ Москвы—рѣки, но сильнѣйшею было побужденіе священное: хотѣлось Русскому сердцу подышать Русскою стариною, ея преданіями и воспоминаніями, ознаменованными славою, духомъ народнымъ, безпредѣльною любовью къ отечеству! Меня влекло неодолимое желаніе помолиться въ соборахъ, гдѣ молилась Москва 12-го года; полюбоваться тѣмъ Кремлемъ, отъ котораго не разъ бѣгали и дикія толпы сыновъ Чингиса, и рати Поляковъ; тѣмъ Кремлемъ, что былъ предѣломъ всепоглощающаго исполина, роковымъ камнемъ преткновенія на пути завоевателя полувселенной; тѣмъ Кремлемъ, съ оградъ котораго ни одинъ зубецъ не палъ передъ вражьиимъ насиліемъ! Меня порывало вступить въ это сердце Россіи, въ городъ, пережившій всѣ событія отечественной исторіи, бывшій многолѣтнимъ свидѣтелемъ всѣхъ ея переворотовъ. Мы хотѣлось отыскать, осмотрѣть послѣднія развалины, оставшіяся среди воскреснувшей Москвы гордымъ памятникомъ единственнаго въ мірѣ самоотверженія—этого добровольнаго пожара, который не имѣлъ примѣра и вѣрно не будетъ имѣть его въ лѣтописяхъ міра. Надобны сердца и патріотизмъ—совершить такое дѣло; а у другихъ народовъ остались только промышленность и расчетъ. Москвичи! вы зажгли свои дома, дома, гдѣ родилось, гдѣ жило столько вашихъ предковъ, дома, гдѣ столько поколѣній оставили свои воспоминанія, гдѣ таились и ваши собственныя—вы принесли ихъ въ жертву за родину, и жертва ваша не осталась безъ мести. Кровавое зарево предсказало паденіе Непобѣдиму, и не стало того, кого девятнадцатый вѣкъ, глаголомъ поработенной Германіи, въ страхѣ и трепетѣ называлъ *der Mann des Schicksal's* (мужъ судьбы)!

Таковы были мысли мои на пути въ Москву и, сообщивъ ихъ тебѣ, долженъ ли я еще упомянуть о второй причинѣ моей поѣздки? Признаться ли, что моя память была полна рассказами напихъ.

гвардейцевъ о привѣтливой гостепрѣимности Москвичей и миловидности Москвитянокъ; что я желалъ имѣть понятіе по опыту о веселомъ житьѣ; залетной молодежи Петербурга на рубежѣ устарѣвшей и радушной Москвы?...

Не описываю тебѣ, какимъ пылкимъ мечтателемъ подтѣзжалъ я къ Бѣлокаменной, какимъ въискательнымъ пилигримомъ озирался я на улицы и дома, едва пройдя заставу, и жажда уже той старины, той оригинальности, которыхъ ожидалъ. Не рассказываю и того, какимъ фанатикомъ *среднихъ вѣковъ* проводилъ я дни и ночи въ Кремлѣ, въ соборахъ, передъ церковью Василія Блаженнаго, изящнымъ произведеніемъ забытаго теперь зодчества,—все это дѣло стороннее. Скажу только, что когда я насмотрѣлся, находился, утолил свою душу, мнѣ стало пусто и дико въ мѣстахъ, гдѣ я былъ одинокъ, какъ будто съ неба упавшій. Я переглядѣлъ все, что манило воображеніе, все, что привлекало душу, и наконецъ нѣмая бесѣда съ нѣмыми камнями мнѣ надоѣла.

Я вздумалъ обѣгать гульбища: всѣ они были пусты. Сады и бульвары безмолвствовали, какъ будто приговоренные къ торжественной тишинѣ Египетскихъ развалинъ, а если кое-гдѣ и показывались на нихъ два, три лица, то и они скорѣе напоминали Египетскихъ мумій въ распещренныхъ нарядахъ, чѣмъ свѣжія, молодыя личики, мною отыскиваемыя. Со вздохомъ вспомнилъ я нашъ шумный проспектъ, гдѣ ежедневно роятся разнообразныя толпы, гдѣ каждое утро пирь глазамъ, выставка тонкихъ становъ и стройныхъ ножекъ.

Я бросился въ театръ—и нашелъ мракъ, темнѣе осенняго, пару креселъ, занятыхъ почтенными фигурами съ того свѣта, и одну полную ложу, гдѣ грызли орѣхи. Я высидѣлъ до конца спектакля, потому что спалъ непробудно. Наконецъ, досадуя на мои неудачи, я прибѣгнулъ къ моему единственному знакомцу въ цѣломъ городѣ, къ рыжему Нѣмцу, содержателю гостиницы, гдѣ я остановился, и сталъ его расспрашивать: куда дѣвались жители Москвы? Мой Нѣмецъ растолковалъ мнѣ, что всѣ они еще разсѣяны по дачамъ и помѣстьямъ; что лѣтомъ и осенью городъ почти пустъ, и что Московская зима, пора жизни, движенія, веселости, начинается не прежде поры снѣговъ, около Ноября.

А тогда кончался только Сентябрь, и дожидаться Ноября значило потерять даромъ время отпуска. Я задумалъ о возвратѣ къ вамъ, окончивъ успѣшно порученное мнѣ дѣло и съ подорожною въ карманѣ пошелъ въ послѣдній разъ побродить по улицамъ.

Ты не можешь себѣ вообразить, что такое значить сиротство

въ пустынь большого города: это чувство самое тягостное, самое грустное; я испыталъ его вполне, провелъ нѣсколько дней самыхъ неприятныхъ, а между тѣмъ, мнѣ было жаль покинуть Москву! Я мечталъ найти въ ней что-то особенное, и неисполнившіяся мечты упали на душу какъ обманъ. Мнѣ не хотѣлось уѣзжать въ этомъ расположеніи. Я былъ въ какомъ-то ожиданіи и дорого бы далъ, чтобы какое нибудь обстоятельство вывело меня изъ него. Судьба на этотъ разъ упредила мое желаніе. Нечаянно встрѣтилъ я добраго знакомаго моего Л....., подобно мнѣ заѣзжаго изъ Петербурга и котораго никакъ не полагалъ я найдти такъ близко подлѣ себя. Послѣ изъявленій взаимной радости пошли разспросы, тоже взаимные, и Л..... объявилъ мнѣ, что я могу поздравить его женихомъ. «Завтра моя свадьба,—сказалъ онъ мнѣ,—женюсь на дочери богатѣйшаго и счастливѣйшаго откупщика; беру *изрядную* невѣсту и красивый *милліонъ* въ придачу! Какъ видишь — не дурно?» Я прежде поздравлялъ его съ невѣстою—тутъ долженъ былъ поздравить съ милліономъ, который, казалось, несравненно болѣе занималъ Л..... Онъ сообщилъ мнѣ свои планы для будущаго. «Долой мундиръ, поселюсь здѣсь, буду себѣ жить на волѣ, да возить жену по баламъ и давать ей праздники!» сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ. Но вдругъ вспомнилъ онъ, что прежде исполненія этихъ замысловъ, ему надлежало позаботиться объ обстоятельствахъ, гораздо ближе предстоящемъ. Его невѣста, желая блеснуть всѣми средствами, настоятельно требовала, чтобы у него были на свадьбѣ два шафера, и одинъ непременно гвардеецъ. Разсѣянный женихъ не подумалъ заранѣе, какъ это сдѣлать, и зная, что никого изъ его товарищей не было въ Москвѣ, находился теперь въ крайнемъ затрудненіи. Услужливая судьба, которая рѣшилась не отпускать меня въ доѣзду, свела его со мною; чтобы разомъ удовлетворить всему, Л..... убождительно просилъ меня держать надъ нимъ вѣнецъ и за троихъ танцовать на балѣ, который онъ намѣренъ былъ дать черезъ нѣсколько дней. Я охотно обѣщалъ то и другое, и въ томъ же вечеръ былъ представленъ въ семью откупщика.

Тутъ нашелъ я толпу женщинъ, и молодыхъ и старыхъ, но ни тѣни той образованности, тѣхъ ловкихъ пріемовъ, которые ожидалъ найти. Я былъ въ замѣшательствѣ. Видно, думалъ я, что Москвичи, какъ заговоренный кладъ, не даются моему любопытству! Л..... пришелъ мнѣ на помощь. «Не удивляйся,—сказалъ онъ,— это все *замоскворичье*, знакомые и родня тестя, которыхъ никогда не увидишь ты въ хорошемъ обществѣ. Но мать моей невѣсты изъ знатныхъ; у нея много тетусекъ и *кузинъ* совсѣмъ другаго

разбора. Къ нимъ посланы приглашенія, и всѣ онѣ съѣдутся къ моему балу. Тогда, *mon cher*, тогда посмотришь».

И я въ самомъ дѣлѣ — *посмотрѣлъ!* Въ день бала, огромный домъ, занимаемый молодыми, наполнился женщинами, изъ которыхъ самыя посредственныя могли быть названы хорошенькими въ другомъ мѣстѣ, не столь богатомъ красавицами. Но тутъ красавицы развѣдали взоры, дробили вниманіе, не давали разглядѣть себя поодионокѣ—такъ много было ихъ въ большой залѣ. Тутъ увидѣлъ я, что никакіе рассказы не были увеличены. Первые минуты бала я провелъ въ чаду, въ волненіи страстнаго любителя живописи, котораго заставили бы пробѣжать галереи del palazzo Pitti, не давъ ему остановиться ни передъ одной картиной, и въ воображеніи котораго все видѣнное мелькомъ долго рисуется въ фантастическомъ безпорядкѣ. Неотвязчивый Л..... не позволялъ мнѣ пропустить ни одного контраданса, и я едва успѣвалъ приглашать дамъ. Но скоро глаза мои остановились на моемъ *vis-a-vis*, восемнадцати-лѣтнемъ личикѣ, въ которомъ напелъ я что-то столь плѣнительное, что оно невольно заставило меня забыть всѣхъ другихъ. Стройная, ловкая, съ благородною поступью богини, съ улыбкой граціи—она не касалась пола, она порхала какъ сѣльфиды, скрадывая всѣ движенія ногъ подъ небрежною пріятностью своихъ остановокъ. Она не танцевала — она мѣняла мѣста и тѣлодвиженія. Черты правильныя и тонкія, черные глазки, полные смысленности и выраженія, изящная головка съ темнорусыми кудрями, которые такъ мило, такъ игриво отгѣнялись подъ розовымъ вѣнкомъ; бѣлое, прозрачное платье, которое такъ легко обвивалось около нея... Мои взоры, какъ околдованные, не могли съ ней разстаться. Сестра! сердце мое было ново: когда я увидѣлъ *Впру* — и почувствовалъ, что ему наступило совершеннолѣтіе!...

Знакомство началось вальсомъ; потомъ я просилъ я контрадансъ; наконецъ робко позвалъ и на мазурку. Съ лукавою улыбкой сказали мнѣ: *да*, и въ послѣдствіи — въ дни взаимной откровенности, очаровательница призналась мнѣ, что она въ этотъ же вечеръ замѣтила и преслѣдованіе моихъ жадныхъ взоровъ, и неловкую нетерпѣливость моихъ частыхъ приглашеній.

Говорятъ, у каждой изъ васъ есть что-го въ родѣ *чутья*, что васъ тотчасъ извѣщаетъ о новой побѣдѣ вашей, даже часто прежде нежели она совершена, такъ что вы предвидите поклонника, когда онъ самъ еще не знаетъ о своемъ порабощеніи. Въ этотъ разъ чутье не обмануло моей красавицы!

Я ждалъ перваго звука благодѣтельной мазурки, какъ Римъ.

ждеть перваго удара колокола, возвѣщающаго ему окончаніе конклава. Мнѣ было самому странно и смѣшно неукротимое волненіе моего сердца, до сихъ поръ столь чуждаго бальной суеты, что оно и не подозрѣвало поззіи завѣтнаго танца! Я не понималъ себя, но впервые былъ увлеченъ и не противился увлеченію. Наконецъ, первый смычекъ коснулся первой скрипки, оркестръ залился громкимъ треллеромъ, и кавалеры бросились въ другія комнаты за стульями. Всякая пара хлопотала о своемъ мѣстѣ; зала оглушилась тревогою, толкотнею, шарканьемъ, словомъ, всею безпорядкомъ, предпринятымъ водворенію порядка, этому расположенію на зимнихъ квартирахъ — мазуркѣ, которую самъ чортъ выдумалъ нарочно, чтобы бѣсить ревнивыхъ мужей и заботливыхъ матушекъ! Мазурка—это душа бала, цѣль влюбленныхъ, телеграфъ толковъ и пересудовъ, почти провозглашеніе о новыхъ свадьбахъ,—мазурка, это два часа, высчитанные судьбою своимъ избраннымъ въ задатокъ счастья всей жизни.

Я выбралъ мѣсто между двухъ колоннъ, гдѣ нескромныя софѣды не могли мѣшать мнѣ свободнѣе налюбоваться своею дамою и вдоволь съ нею наговориться. Я ужъ желалъ отстранить ее отъ толпы; я ужъ начиналъ испытывать то исключительное чувство, которое стремится отнять у цѣлаго свѣта любимый предметъ, чтобы никто не могъ ни словомъ, ниже взоромъ встревожить его ревниваго созерцанія, раздѣлить его недѣлимыхъ наслажденій!

Какъ быстро пролетѣли вы, первыя минуты новорожденной любви и разсвѣтающаго счастья, минуты, которыми рѣшилась загадка жизни, которыми довершилось очарованье непокорнаго!

Веселая, непринужденная, моя волшебница съ первыхъ словъ обощалась со мною безъ всякихъ ужимокъ, и въ четверть часа мы ознакомились совершенно. Разговоръ ея, блестящій остроуміемъ и умомъ, показалъ мнѣ вмѣстѣ и отличное воспитаніе, и рѣдкія дарованія природы. Дѣтская шаловливость сливалась въ ней съ воспитательною скромностью, а между тѣмъ, глаза ея, безъ ея вѣдома, обѣщали всѣ сокровища чувства и высказывали душу необыкновенную. Не могу объяснить почему, но мы сблизились мечтами, какъ будто пророческіе сны заранѣе ее ко мнѣ приучили, какъ будто и ея душа, подобно моей, ждала, искала и нашла. Къ концу бала я былъ влюбленъ безъ памяти и, скажу откровенно, могъ надѣяться, что и Вѣра не совсѣмъ ко мнѣ равнодушна.

Разумѣется, что я спѣшилъ развѣдать, кто она и гдѣ и какъ можно съ нею встрѣтиться. Узнавъ, что ея родные живутъ открыто и принимаютъ въ положенные дни, немедленно былъ я имъ

представленъ. Клирмовыхъ посѣщало лучшее общество и домъ ихъ считался хорошимъ и пріятнымъ. Меня встрѣтили очень благо-склонно, пригласили *бывать запросто*, и скоро я сталъ всеневнымъ гостемъ.

Тогда наступила новая эра моему существованію, эра восхитительная, незабвенная, эра пылкихъ радостей, волшебныхъ грезъ, невыразимыхъ ощущеній! Среди шумной толпы—я не видалъ ничего кромѣ Вѣры, я слышалъ ее одну, не отходилъ отъ нея и длинныя сердечныя бесѣды часъ отъ часу сближали насъ. Я читалъ въ ея впечатлительной душѣ всѣ чувства, которыя пробуждалъ въ ней, всѣ чувства, которыхъ до меня она не знала. Съ неописанной гордостью слѣдилъ я за постепенными успѣхами моими въ ея довѣрїи, въ ея привязанности. Я видѣлъ, какъ отъ ребячливої суетности она переходила къ женской чувствительности; какъ образъ мой заслонялъ ее отъ всѣхъ искушеній тщеславія; какъ возраждалась и какъ развивалась ея страстная душа, теперь знакомая со всѣми возвышенными вдохновеніями истинной любви. Я видѣлъ, что она платила мнѣ любовью за любовь, что ея сердце стало вѣрнымъ отголоскомъ моего собственнаго.

Когда, бывало, въ длинной гостиной, во всѣхъ углахъ возникали группы разговаривавшихъ, сходились, расходились, мѣшались, Вѣра, съ изобрѣтательностію, достойною своей цѣли, занявъ искусно тѣхъ изъ подругъ своихъ, которыя могли обойтись безъ ея личнаго участія, умѣла расположиться такъ, что мнѣ всегда оставалось мѣсто возлѣ нея, и она казалась исполнявшею всѣ обязанности хозяйки дома, между тѣмъ, какъ только на мнѣ одномъ сосредоточивалось все ея вниманіе. Тогда—мы находились посреди людей, но были не *ихъ міра*, но дышали этою жизнью *вдвоемъ*, въ которой одни мы понимали другъ друга, въ которой каждое слово, промолвленное украдкой, становилось безцѣннымъ залогомъ, каждый взоръ—отрадою сердца. Волненіе неизвѣстности насъ тревожило; но что можетъ быть сладостнѣе этой тревоги, въ которой такъ много упований? Что можетъ быть восхитительнѣе этихъ первыхъ дней взаимности, которые дышатъ трепещущимъ очарованіемъ таинственности, такъ что едва ли ихъ можно промѣнять на спокойное обладаніе самымъ счастьемъ, на тихую увѣренность признанной любви?..

Мы еще не высказали роковаго признанья, когда наши сердца уже перешептались и сговорились. Другъ мой!.. о, какъ все пере-мѣнилось и во мнѣ, и кругомъ меня!.. Какъ полна стала моя жизнь, до той поры истомленная безжизненностью! Какъ страстно привя-

зывался я къ милому существу, которое съ каждымъ часомъ узнавалъ лучше, цѣнилъ выше! Въ такихъ годахъ, съ душой столь новой, она была дитя во всѣхъ мысляхъ своихъ, когда онѣ не касались меня, но въ отношеніяхъ нашихъ она показывала всю нравственную силу женщины, всѣ богатства любви неистощимой, глубиной, горячей.

Какъ я мучилъ ее своею ревностью, своими причудами, своимъ воображеніемъ, пугливымъ и раздражительнымъ! Она поетъ прекрасно, а я не могъ терпѣть, чтобы ея голосъ служилъ забавой цѣлому обществу равнодушныхъ, чтобы его звуки терялись въ невнимательныхъ ушахъ, когда они приносили мнѣ небесное удовольствіе. Вѣра перестала пѣть на своихъ вечерахъ; она бросила къ ногамъ моимъ любимую добычу женскаго тщеславія, груду лесты, похвалъ, рукоплесканій. И каждый разъ, когда непреклоннымъ отказомъ отвѣчала она на просьбы дилеттантовъ, ея долгіи взоръ робко останавливался на мнѣ, сверкая самодовольствіемъ, что она могла *мнѣ* угодить. Вѣра страстно любитъ танцы, а я не могъ видѣть, какъ другой—другой, а не я,—дерзновенно обхватить ея легкой станъ, завладѣвъ ея рукою, стремился съ нею въ головокружной быстротѣ вальса—и Вѣра перестала вальсировать со всѣми, кромѣ меня. Напрасно умоляли ее кавалеры, напрасно молоденькія и пожилыя дѣвушки сыпали коварныя замѣчанія и значительныя улыбки. Отъ однихъ отдѣлывалась она гордою неприступностью; отъ другихъ отшучивалась мѣткими колкостями собственныхъ наблюденій и доказательствомъ неумолимой прозорливости. О! она знала науку свѣта!.. За то, какимъ подобострастіемъ окружалъ я ее, какою любовью была она любима! Я сдѣлался для нея необходимымъ цѣнителемъ ея красоты, ея ума, ея души. Одинъ я умѣлъ понять ее такъ, какъ она хотѣла быть понятою, одинъ я любилъ ее такъ, какъ женщины желаютъ быть любимыми—съ пристрастнымъ поклоненіемъ раба, съ деспотизмомъ повелителя, съ нѣжною заботливостью друга, съ безумными порывами ревнивца! Долго еще длилось для насъ это положеніе полусогласія, подъ покровомъ котораго каждый малѣйшій случай бываетъ поводомъ безконечныхъ толковъ, мечтаній, недоразумѣній, ссоръ, примиреній, каждое событіе или наводитъ мучительный страхъ, или оставляетъ по себѣ упоительную надежду. Но вся неловкость моя и вся робость Вѣры не устояли противъ возраставшей силы нашихъ чувствъ: увлеченные ими, мы объяснились, и я услышалъ отъ нея это волшебное слово, за каждую букву котораго я готовъ заплатить цѣною тысячи жизней!

Дни и недѣли шли непримѣтно. Половина отпуска моего скоро миновалась, и я хотѣлъ возвратиться къ вамъ, милая сестра! Но Вѣра не пустила меня, и ея слезы, ея просьбы заглушили голосъ долга, голосъ семейныхъ привязанностей. Тогда написалъ я къ батюшкѣ это письмо, столь темное, столь несвязное, которое изумило васъ, не объяснивъ вамъ ничего. Но кроткій, святой старикъ нашъ понялъ сердцемъ то, что умалчивало сердце сына; онъ отвѣчалъ родительскимъ благословеніемъ и позволеніемъ слѣдовать моей судьбѣ, хотя не зналъ, въ чемъ она состояла.

«Моей судьбѣ!»... Это слово пробудило меня отъ обаяющаго сна, который въ то время такъ заколдовалъ всѣ способности души моей, что мысль о будущемъ совершенно исчезла въ прелести настоящаго, и мнѣ не приходило на умъ заглянуть въ даль жизни. Внезапно понялъ я изъ письма батюшки, что я, какъ безумный, поймалъ одну тѣнь счастья и позабывъ о самомъ счастьи, заснулъ спокойно, не чуя, что малѣйшее облачко могло похитить у меня эту тѣнь, такъ довѣрчиво присвоенную. Я понялъ, что, обладая сердцемъ Вѣры, я ровно ничего не имѣлъ предъ глазами свѣта; я понялъ, что мое счастье непрочное, пока моя участь не связана неразрывною цѣпью съ участью Вѣры; я понялъ, что взаимность любви есть такое благо, которое одинъ священный обрядъ закона можетъ оградить отъ покушеній человѣческихъ. Мысль о бракѣ впервые проникла въ мою душу, но она тотчасъ завладѣла ею совершенно, изжня безпечность, покой и непредвидящую радость, которыя такъ сладко меня усыпили.

Быстрымъ взглядомъ обнялъ я все свое существованье. Я спросилъ себя: какими выгодами могу оправдать свои притязанія? Я вспомнилъ требованія общественныхъ приличій, вспомнилъ законъ свѣта: «*Имѣющему дастся!*» и содрогнулся, расчисливъ, разсмотрѣвъ, что по этому закону, по этимъ требованіямъ—неизмѣримая бездна отстраняла меня отъ Вѣры! Она богата — у меня только честное имя да любящее сердце! Ахъ! какое адское страданіе вгрызлось въ душу съ этими мыслями! Сколь несчастливимъ почувствовалъ я себя, измѣривъ всю даль до этого счастья еще недавно почитаемаго столь близкимъ, столь вѣрнымъ! Какія муки вытерпѣла моя гордость, когда мнѣ представились неминуемыя сужденія свѣта, когда я подумалъ о неизбѣжимомъ обвиненіи въ расчетѣ, которое должно осквернить святыню моихъ чувствъ, покрыть гнусностью сребролюбивыхъ видовъ привязанность безкорыстную и невольную, какъ всякое влеченіе сердца, о которомъ голова и разумокъ еще не провѣдали! Расчетъ? Съ моей стороны?

Но, великій Боже! я любилъ Вѣру еще не зная, *кто* она; я могъ бы любить ее всю жизнь, не спрашивая о ея богатствѣ; вещественномъ, не требуя ничего, кромѣ ея ублажающаго сочувствія, кромѣ раздѣла съ нею всѣхъ радостей, всѣхъ думъ моихъ, и если бы я имѣлъ право не разставаться съ нею, то не подумалъ бы требовать ея руки! Однако-жъ, свѣтъ волеи мнѣ не повѣритъ, волеи перетолковать, переиначить по-свѣдому чувства, которыхъ не дано ему понять — и я долженъ былъ приготовиться къ его сужденіямъ и подозрѣніямъ... При одномъ воспоминаніи объ нихъ, все сердце вздрагивало негодованіемъ.

Долго боролся я съ этими противорѣчащими страстями — самолюбивою гордостью и пламенною любовью. Наконецъ, любовь превозмогла — я рѣшился презрѣть молвою и объясниться съ Вѣрой о нашей будущности.

Но каково было мое удивленіе, когда эта дѣвушка, столь откровенная, столь пламенная въ выраженіи своей любви, при первомъ намекѣ о *замужествѣ* оробѣла, смѣшалась и, отвернувшись съ досадою прелестную головку свою, ни слова мнѣ не отвѣчала! Въ недоумѣніи, я колебался — приписать ли эту странность дѣвической стыдливости, или внезапному пробужденью разсудительнаго разсчета? Такая неизвѣстность не могла продолжаться. Мнѣ необходимо было знать рѣшеніе Вѣры — я настанвалъ... Но холодное принужденіе овладѣло ею, и я не могъ добиться отвѣта. Мысль, что я ошибся въ *ней* — была мнѣ нестерпима. Гнѣвъ и страхъ волновали меня; я проговорилъ нѣсколько словъ съ горячностью неудовольствія. Вдругъ слезы блеснули на искрометныхъ глазкахъ Вѣры, и она прошептала отрывистымъ глухимъ голосомъ: «Ради Бога оставьте меня!... Это не мое дѣло. Скоро будетъ сестра Софья... Говорите съ нею!»

Въ эту минуту я былъ совершенно озадаченъ, и недоумѣніе долго меня мучило. Но теперь я знаю, почему Вѣра такъ странно общалась со мною. Вѣрѣ, съ раннихъ лѣтъ, было внушено, что замужество предметъ, о которомъ ей неприлично говорить и думать. Замужество для нея было цѣпью неизмѣнно-соблюдаемыхъ обрядовъ. Церемоніальный прїѣздъ жениха съ предложеніемъ, форменное сообщеніе отъ родителей, отговорки, слезы и наконецъ согласіе; потомъ шумъ и тревога въ домѣ, ежедневныя проповѣди и наставленія отъ матери, поздравленія старыхъ тетушекъ, припращенныя совѣтами, распросы кузинъ о женихѣ, а болѣе о жениховыхъ подаркахъ, чинная помолвка, поѣздки безъ отдыха въ лавки и магазины и въ довершеніе всего — турецкая шаль и право безо-